

Г. А. Печников, С. Д. Назаров, А. П. Блинков

ОБЩАЯ ЦЕЛЬ УГОЛОВНОГО СУДОПРОИЗВОДСТВА И СТАТЬЯ 6 УПК РФ

В настоящей работе авторы обращаются к статье 6 «Назначение уголовного судопроизводства» в действующем состязательном Уголовно-процессуальном кодексе Российской Федерации и констатируют, что в ней защита прав и законных интересов человека противопоставляется борьбе с преступностью, т. е. полному раскрытию преступлений, неотвратимости ответственности виновных, установлению объективной истины по уголовным делам.

В статье 6 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации отсутствуют категории «раскрытие преступлений», «объективная истина», тогда как борьбу с преступностью (объективно-истинное раскрытие преступлений) и защиту прав и законных интересов личности необходимо рассматривать как систему. При этом раскрытие преступлений, установление объективной истины по уголовным делам авторы работы относят к цели, а защиту прав и законных интересов личности — к важнейшей из задач уголовного судопроизводства. По нашему мнению, в ст. 6 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации приведены лишь задачи, отсутствует общая цель, а имеются лишь состязательно-выигрышные цели сторон обвинений и защиты. В единой системе «цель — задачи» последние нужно рассматривать как средства, которые ведут к достижению цели. Общая цель объективно необходима в тексте уголовно-процессуального закона, без нее уголовный процесс неполноценен. В работе авторы различают объективно-истинный и состязательный (выигрышно-проигрышный) типы (модели) уголовного процесса.

Ключевые слова: объективная истина, цель и задачи уголовного судопроизводства, средства, объективно-истинный тип (модель) уголовного процесса, состязательный (выигрышно-проигрышный) тип (модель) уголовного процесса.

G. A. Pechnikov, S. D. Nazarov, A. P. Blinkov

GENERAL PURPOSE OF CRIMINAL JURISDICTION AND ARTICLE 6 OF THE CRIMINAL PROCEDURE CODE OF THE RUSSIAN FEDERATION

The authors of this article refer to Article 6 in the present adversary Criminal Procedure Code of the Russian Federation “The appointment of criminal jurisdiction” and take note that there is a protection of human rights and person’s lawful interests is opposed crime prevention in this article (i.e. full crimes disclosure, unavailability of perpetrators’ responsibility, establishment of objective truth in criminal cases). There are no categories for “crimes disclosure” and “objective truth” in Article 6 of the Criminal Procedure Code of the Russian Federation. Whereas crime prevention (objective and issued crimes disclosure) and protection of human rights and person’s lawful interests must be viewed as unified system. At the same time, the authors of the article refer crimes disclosure and establishment of objective truth in criminal cases to the purpose, but protection of human rights and person’s lawful interests to the most important task of criminal jurisdiction. According to the authors’ opinions, there are only tasks in Article 6 of the Criminal Procedure Code of the Russian Federation, and there is no goal (a common goal), but there are only adversary-winning goals of the prosecutors and defense. In the unified “goal-tasks” system the tasks should be examined as necessary means that lead to achievement of the goal. The overall goal is objectively necessary in the text of the criminal procedure law; the criminal process is defective without it. The objective-issued type (model) and the adversary (winning-losing) model of criminal procedure are distinguished in the author’s article.

Key words: objective truth, purpose and goals of criminal jurisdiction, means, objective-issued type (model) of criminal procedure, adversary (winning-losing) type (model) of criminal procedure.

Конституция Российской Федерации (ст. 2, 17, 18, 45 и 46) утвердила положение о том, что защита прав и свобод человека и гражданина — обязанность государства и его органов. Данное конституционное положение конкретизировано в ст. 6 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации (далее — УПК РФ), которая в качестве назначения уголовного

судопроизводства определяет защиту прав и законных интересов лиц и организаций, потерпевших от преступления, а также защиту личности от незаконного и необоснованного обвинения, осуждения, ограничения ее прав и свобод. В этой статье закреплён приоритет защиты прав и свобод человека над всем остальным. Однако, с нашей точки зрения, без достоверного,

объективно-истинного раскрытия преступлений, т. е. вне цели наступательной борьбы с преступностью, невозможна и подлинная защита прав личности в уголовном процессе. Государству не следует отказываться от государственного регулирования правовых конфликтов, связанных с нарушением уголовно-правовых запретов или как-то ослаблять свое участие в этом. Становление гражданского общества подразумевает денационализацию многих институтов. Вместе с тем государство обязано сохранять свой контроль за охраной правопорядка, обороной, законотворчеством, защитой прав граждан, внешней политикой и т. д. [1, с. 200].

В отличие от Уголовно-процессуального кодекса РСФСР (далее — УПК РСФСР) в УПК РФ содержится совершенно иной подход к формированию назначения уголовного судопроизводства. Указывая цели и задачи уголовной юстиции по отношению к УПК РСФСР, большинство процессуалистов брали за основу содержание ст. 2 УПК РСФСР «Задачи уголовного судопроизводства». Мы считаем это верным. Данная статья в качестве задач предлагала «быстрое и полное раскрытие преступлений, изобличение виновных и обеспечение правильного применения закона с тем, чтобы каждый совершивший преступление был подвергнут уголовному наказанию и ни один невиновный не был привлечен к уголовной ответственности и осужден». На наш взгляд, указанная формулировка соответствует потребностям практики борьбы с преступностью. Мы не согласны с тем, что последний тезис (о необходимости активной борьбы, а не «сдерживания» [2] преступности) утрачивает свою актуальность. С учетом этого вызывают удивление превращения, которые произошли в формулировке целей уголовного процесса. Так, ст. 6 УПК РФ прямо не указывает (как это было в ст. 2 УПК РСФСР) на обязанность следователя, органа дознания, дознавателя раскрывать преступления, выявлять действительно виновных и привлекать их к уголовной ответственности, хотя в официальном проекте УПК РФ, одобренном в июне 1997 г., имелось четкое положение об этом. Однако нам могут выразить несогласие, поскольку ч. 2 ст. 6 УПК РФ все же упоминает об уголовном преследовании и назначении виновному справедливого наказания. Мы признаем это, но отмечаем, что ч. 2 ст. 6 УПК отодвигает на второй план наиболее актуальную цель всей системы уголовного судопроизводства — отказ от уголовного преследования невиновных, освобождение их от наказания, реабилитация каждого, кто был необоснованно подвергнут уголовному преследованию. Не умаляя той важности, какую имеют реабилитация

невиновных и недопущение их привлечения к уголовной ответственности, рассмотрим эту проблему со стороны судебной статистики: так, наблюдаются миллионы нераскрытых преступлений, а значит, ненаказанных преступников и оскорбленных потерпевших и в то же время десятки, а может, и сотни реабилитированных лиц. В связи с этим уместно вспомнить высказывание П. С. Элькинд о том, что «никакими соображениями, например, в том числе заботой об охране прав и интересов личности от неосновательного привлечения и осуждения, нельзя оправдать нераскрытое преступление, обнаружение виновного или его неосновательное оправдание, впрочем, как и соображениями относительно устранения нераскрываемости преступлений или неустановления виновных нельзя оправдать привлечение и осуждение невиновных» [3, с. 43]. П. С. Элькинд обратила внимание на необходимость дополнить перечень задач уголовного судопроизводства указанием на реабилитацию лиц, которые были безосновательно привлечены к уголовной ответственности и осуждены [3, с. 42]. Однако нужно подчеркнуть, что это именно дополнение, а не замена цели уголовного судопроизводства.

Кроме того, наши оппоненты могут сослаться на ст. 2 Федерального закона «Об оперативно-розыскной деятельности» и заявить, что назначением именно оперативно-розыскной деятельности, а не уголовного процесса являются выявление, пресечение и раскрытие преступлений. Но данная обязанность возложена в том числе на следователей и органы дознания [4, с. 45—49]. Раскрыть преступление только посредством оперативно-розыскной деятельности невозможно, в связи с тем что и его непосредственное раскрытие, и установление данного факта государственной статистикой осуществляются лишь в процессе производства по уголовному делу, которое расследуется в соответствии с правилами уголовно-процессуального законодательства. Таким образом, раскрыть преступление, тем более тщательно подготовленное, можно только благодаря взаимодействию следователей и сотрудников оперативных подразделений. В связи с этим трудно понять действия законодателя по изъятию цели раскрытия преступлений из ст. 6 УПК РФ, посвященной задачам современного уголовного процесса. Считаем, что по этому поводу выразил точную мысль З. З. Зинатуллин: «С 1 июля 2002 г. в России действует новый Уголовно-процессуальный кодекс — законодательный акт, ориентированный на приоритетную защиту прав и свобод личности в уголовном процессе. Но каждому юристу ясно, что

не эти социальные ценности вызывают к жизни необходимость производства по уголовным делам, а то, что совершаемыми преступлениями им причиняется вред. Преступления необходимо раскрывать, лиц, виновных в их совершении, изобличать. И такая задача не может не быть первоосновой уголовного процесса. Необходимость в защите прав и интересов участников уголовного процесса вне зависимости от их правового статуса появляется лишь в связи с возникновением уголовно-процессуальных отношений, возможностью начать действия по осуществлению уголовного преследования» [5, с. 102].

Искажение целей уголовного судопроизводства было предопределено Концепцией судебной реформы в Российской Федерации, где впервые на официальном уровне прозвучало требование ликвидировать задачу раскрытия преступлений, якобы вызывающую подтасовку сотрудниками органов внутренних дел отчетов о своей работе [6, с. 19, 20]. Безусловно, факты фальсификации статистической отчетности наблюдаются, однако причиной этому служит вовсе не наличие в законе требований о раскрытии преступлений, изобличении и привлечении к уголовной ответственности лиц, виновных в их совершении, а, скорее, то, что руководители некоторых подразделений рассматривают в качестве главного критерия оценки деятельности своих подчиненных процент раскрываемости преступлений. Соответственно, это приводит к тому, что отдельные сотрудники сознательно увеличивают его, прибегая к определенному «лукавству». Сомнительным является тот факт, что благодаря такой ситуации могут возникнуть весомые аргументы в пользу предлагаемого законодательного решения (ст. 6 УПК РФ). Его истоки мы можем найти в упомянутой концепции. Разработчики данного документа, а затем и создатели современного УПК РФ высказали мысль о том, что главной целью уголовной юстиции должна быть «защита общества от преступлений посредством реализации уголовного закона, защита прав и законных интересов граждан, попавших в сферу юстиции». Таким образом, активная борьба с преступностью была отодвинута на второй план. Указанная формулировка цели позволяет поставить ее и перед судом, который не является органом уголовного преследования и находится над «поединком» следователя, дознавателя с лицом, которое совершило преступление. Можно сказать, что подобная цель всего уголовного судопроизводства размывает ориентиры процессуальной деятельности органов предварительного расследования и прокуроров. Согласно ч. 1 ст. 6 УПК РФ уголовное

судопроизводство должно осуществлять защиту прав и законных интересов лиц и организаций, потерпевших от преступлений, а также гарантировать личности защиту от незаконного обвинения, осуждения, ограничения прав и свобод.

Значение указанных задач очевидно, но тем не менее не стоит рассматривать их в качестве базовых для уголовного судопроизводства, так как они не ориентированы на конечный результат [7, с. 18], каким должны быть изобличение и привлечение к уголовной ответственности совершившего преступление лица на основе его раскрытия.

Несмотря на прозвучавшее утверждение об итоговом результате всего уголовного процесса, ставшее своего рода аксиомой, анализируемому руководителю группы разработчиков УПК РФ Е. Б. Мизулина: «На вопрос о том, что есть уголовный процесс как социальная технология, мы можем ответить, только определив, какой результат для нас здесь нежелателен... таким результатом может быть только одно — недопущение осуждения невиновного. Только этим можно объяснить существование уголовного процесса наряду с уголовным правом» [8, с. 146]. По нашему мнению, основной результат, предлагаемый Е. Б. Мизулиной, производный и не единственно возможный. Это связано с тем, что уголовное судопроизводство направляет все силы на достижение раскрытия преступления, изобличения виновного и его наказания и совершенно забывает о проблеме «недопущения осуждения невиновного». Неверно намеченный результат работы системы уголовной юстиции (который, по мысли создателей УПК РФ, может быть целью уголовного судопроизводства) стал «негодной посылкой» и привел к следующему заблуждению, уже внедренному в текст УПК РФ и порождающему у процессуалистов недоумение [9, с. 91—93], а у правоприменителя — растерянность и даже неприятие.

Современный законодатель в УПК РФ снял требование раскрытия преступлений и установления истины по каждому уголовному делу, в частности Е. Б. Мизулина, устраняя потребность ее достижения, полагает бесплодным спор об истине как цели уголовного судопроизводства [8, с. 146].

В российской юриспруденции хорошо известно имя И. Л. Петрухина, исключительно много сделавшего для уголовно-процессуальной науки и совершенствования законодательства. Он является одним из разработчиков Концепции судебной реформы в Российской Федерации. По его мнению, «отказываться от употребления понятия „истина“ в новом УПК вряд ли оправданно» [10, с. 21], с чем, безусловно, нужно согласиться. «Само слово

„истина“ должно обрести постоянную прописку в тексте УПК РФ. Это ничуть не ослабит демократических основ российского уголовного процесса, напротив, многократно усилит их» [11, с. 222]. Это становится понятным, поскольку в процессе анализа текста УПК РФ с учетом изложенных позиций обязательно возникнут вопросы: возможно ли назначение виновному справедливого наказания (ст. 6 УПК РФ) без установления объективной истины? Как обеспечить законность, обоснованность и справедливость судебного приговора (ст. 297 УПК РФ) без достоверного выяснения всех обстоятельств уголовного дела, т. е. истины? Что же, если не истину, должны устанавливать следователь, дознаватель, прокурор, суд согласно требованиям ст. 73 УПК РФ о доказывании «событий преступления, виновности лица в его совершении»?

Б. Т. Безлепкин отмечает, что за рамками содержащейся в ст. 6 УПК РФ формулировки назначения уголовного судопроизводства остаются, например, следующие очевидные задачи:

— раскрытие преступления, т. е. установление всех его обстоятельств и лица, совершившего деяние (а значит, отсутствует и принцип неотвратимости ответственности виновных — авторы);

— обеспечение прав и законных интересов всех, кто наделен ими в данном уголовном деле (а не только потерпевшего).

Кроме того, в указанной статье не находит своего отражения и воспитательно-профилактический аспект уголовного судопроизводства, который играет большую роль в формировании гражданского правосознания. Он содержался в УПК РСФСР 1960 г., ч. 1 ст. 2 которого гласила: «Быстрое и полное раскрытие преступлений, обеспечение правильного применения закона с тем, чтобы каждый совершивший преступление был подвергнут справедливому наказанию и ни один невиновный не был привлечен к уголовной ответственности и осужден». Часть 2 той же статьи указывала на воспитательную функцию уголовного судопроизводства. Сегодня наука уголовного процесса не располагает сведениями о том, что за последние несколько десятилетий эти формулировки чем-то себя опорочили. В связи с этим стоит отметить тот факт, что действующий УПК РФ утратил историческую преемственность, что может быть расценено как свидетельство твердых намерений законодателя создать текст УПК демократической России с чистого листа, хотя история учит другому [12, с. 28].

По мнению А. Р. Белкина: «Современный Уголовно-процессуальный кодекс не только не

приблизился к определению и уточнению столь важного понятия, как цель уголовного процесса, но даже и сделал определенный шаг в противоположном направлении. Фактически столь важная для общества область деятельности, как уголовное судопроизводство, оказалась лишена главных ориентиров — конкретных целей, замененных туманным назначением. Стоит ли удивляться, что к Уголовно-процессуальному кодексу, регламентирующему бесцельное времяпрепровождение столько конкретных претензий» [13, с. 23].

Размытость цели оборачивается неопределенностью результата. Особую важность имеет научный, системный подход, поэтому борьбу с преступностью (быстрое и полное раскрытие преступлений, неотвратимость ответственности виновных, установление объективной истины по уголовным делам) и защиту прав и законных интересов личности, с нашей точки зрения, следует рассматривать как единую диалектическую систему, в которой достоверное, объективно-истинное раскрытие преступлений — общая цель уголовного судопроизводства, а гарантии и защита прав личности — важнейшая из задач в целостной системе уголовного процесса. Следовательно, не нужно определять приоритет одного над другим, поскольку в системе все взаимосвязано. Если же цель в уголовном судопроизводстве отсутствует, и остаются одни лишь задачи, тогда разрушается единая система «цель — задачи». В результате эффективность последних неуклонно снижается. Здесь очевиден один из основных теоретических аспектов проблемы соотношения цели и задач уголовного судопроизводства. При этом цель должна быть четко выражена в статье закона, посвященной цели и задачам уголовного судопроизводства. Но цель — это не задачи, а задачи — не цель. Стирать различие между ними недопустимо. Задачи уголовного судопроизводства следует рассматривать как необходимые средства достижения цели уголовного процесса. С нашей точки зрения, в ст. 6 УПК РФ имеются одни лишь задачи, а цель отсутствует. Но без нее уголовный процесс не может быть полноценным. Цель судопроизводства в уголовно-процессуальном законе объективно необходима.

Полагаем, назрела потребность в более четком формулировании назначения уголовного процесса и задач, выполнение которых призвано обеспечить его реализацию. Решение этого вопроса является не только научной проблемой: оно непосредственно связано с оптимизацией следственной и судебной практики, повышением эффективности правоприменителя в сфере уголовного судопроизводства [14, с. 3].

Мы разделяем мнение В. К. Ашурова о том, что способ изложения и содержание цели уголовного судопроизводства, закрепленной в ст. 6 УПК РФ, не соответствует его реальному назначению в системе государственной деятельности. Уголовный процесс был и остается одним из действенных государственных механизмов борьбы с преступностью, стоя на страже интересов личности, общества и государства [14, с. 3].

Вообще к пониманию цели уголовного процесса не следует подходить абстрактно, анализировать ее «саму по себе», а всегда лишь в системной взаимосвязи с сущностью того типа (модели) уголовного процесса, в котором она предусмотрена. В объективно-истинном типе (модели) процесса и цель объективно-истинная, в состязательном — состязательно-выигрышная. Цель (назначение) не может быть выше концептуальной сущности того уголовного процесса, в котором она задана. В состязательном УПК РФ цель (назначение судопроизводства) «осостязательствована», не выходит за состязательные рамки, т. е. за пределы средств. В связи с этим требования законодателя в ч. 2 ст. 6 УПК РФ об «уголовном преследовании виновных и отказе от уголовного преследования невиновных», с нашей точки зрения, нужно понимать не с объективно-истинной, а с состязательной («выигрышно-проигрышной») позиции, поскольку в действительности виновный (преступник) может выиграть процесс (дело), а невиновный проиграть. Если целью является не борьба с преступностью, то «игра», поединок сторон по состязательным правилам, где побеждает сильнейший.

Целенаправленная процессуальная деятельность необходима следователю, дознавателю и суду. Нельзя отказываться от цели или принижать, упрощать ее значение.

Ценностные ориентиры в действующем состязательном УПК РФ кардинально поменялись: не раскрыть достоверно, объективно-истинно преступление (борьба с преступностью), а выиграть процесс (дело) у своего процессуального противника в состязательном поединке (споре) сторон. В современном УПК РФ, с нашей точки зрения, нет общей цели, а имеются лишь отдельные, узкопрагматические выигрышные цели сторон. Выигрыш-проигрыш дела зависит от них самих. Но «состязательно-выигрышный» подход далек от объективной истины как цели доказывания и цели всего уголовного судопроизводства. Она же необходима в любой системе: в этом залог подлинной научности и эффективности последней. По Сократу, не только каждое отдельное действие должно руководствоваться известной целью, но, кроме того, должна существовать единая, общая и

высшая цель, которой подчиняются все частные цели и которая представляет собой безусловное высшее благо [15, с. 68].

1. Матузов Н. И. Гражданское общество // Теория государства и права: курс лекций / под ред. Н. И. Матузова и А. В. Малько. М., 1997.; Аширбекова М. Т. Принцип публичности уголовного судопроизводства: понятие, содержание и пределы действия: автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. Екатеринбург. 2009.

2. Харитонов А. Н. Государственный контроль над преступностью (теоретические и правовые проблемы): моногр. Омск, 1997.

3. Элькинд П. С. Цели и средства их достижения в советском уголовно-процессуальном праве. Л., 1976.

4. Азаров В. А. Уголовно-процессуальные и оперативно-розыскные средства достижения цели раскрытия преступлений // Государство и право. 1997. № 10. С. 45—49.

5. Зинатуллин З. З. Иерархия функций российского уголовного процесса // Научные труды Российской академии юридических наук. М., 2001. Вып. 1. Т. 2; Зинатуллин З. З., Егорова Т. З., Зинатуллин Т. З. Уголовно-процессуальное доказывание (концептуальные основы): моногр. Ижевск, 2002.

6. Концепция судебной реформы в Российской Федерации. М., 1992.

7. Колосович С. А. Участники уголовного судопроизводства в свете нового УПК РФ // Новый Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации (проблемы законодательства, теории и практики): сб. науч. трудов. Волгоград, 2002.

8. Мизулина Е. Б. Совершенствование уголовно-процессуального законодательства: проект УПК РФ // Информационный бюллетень Следственного комитета при МВД России. 2001. № 1 (107).

9. Дерисhev Ю. В. Философия досудебного производства // Досудебное производство (Актуальные вопросы теории и практики): материалы науч.- практ. конф. Омск, 2002. С. 91—93; Печников Г. А. Новый УПК в свете объективной истины // Новый Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации (проблемы законодательства, теории и практики): сб. науч. трудов. Волгоград, 2002.

10. Петрухин И. Л. Концептуальные основы реформы уголовного судопроизводства в России // Государство и право. 2002. № 5. С. 6—17.

11. Баранов В. М., Поляков М. П., Сычева О. Н. Презумпция истинности приговора: моногр. Н. Новгород, 2010.

12. Безлепкин Б. Т. Комментарий к УПК РФ (постатейный). М., 2015. 13. Белкин А. Р. УПК РФ: Нужны ли перемены?: моногр. М., 2013.

14. Ашуров В. К. Следственная и судебная практика и их роль в обеспечении правильного применения норм уголовно-процессуального права: автореф. дис. ... канд. юрид. наук.

1. Matuzov N. I. Civil Society // Theory of State and Law: Course of Lectures / Ed. N. I. Matuzov and A. V. Malko. M., 1997; Ashirbekova M. T. The principle of publicity of criminal proceedings: the concept, content and limits of action: the author's abstract ... doctor juridical sciences. Ekaterinburg, 2009.

2. Kharitonov A. N. National control over crime (theoretical and legal problems): monograph. Omsk, 1997.

3. Elkind P. S. The goals and means to achieve them in the Soviet criminal procedure law. L., 1976.

4. Azarov V. A. Criminal-procedural and operatively-search means of achieving the goal of disclosing crimes // State and Law. 1997. № 10. Pp. 45—49.

5. Zinatullin Z. Z. Hierarchy of functions of the Russian criminal process // Scientific works of the Russian Academy of Juridical Sciences. M., 2001. Issue. 1. T. 2; Zinatullin Z. Z., Egorova T. Z., Zinatullin T. Z. Criminal Procedure Proof (conceptual basis): monograph. Izhevsk, 2002.

6. The concept of judicial reform in the Russian Federation. M., 1992.

7. Kolosovich S. A. Participants in criminal proceedings in the light of the new Code of Criminal Procedure // New Criminal Procedure Code of the Russian Federation (problems of legislation, theory and practice): collection of sciences. Volgograd, 2002.

8. Mizulina E. B. Improvement of the criminal procedural legislation: draft Code of Criminal Procedure of the Russian Federation // Information Bulletin of the Investigative Committee under the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2001. No. 1 (107).

9. Derishev Yu. V. Philosophy of pre-trial proceedings // Pre-trial production (Actual questions of theory and practice): materials of scientific-practical. conf. Omsk, 2002. Pp. 91—93; Pechnikov G. A. New Criminal Procedure Code in the light of objective truth // New Criminal Procedural Code of the Russian Federation (problems of legislation, theory and practice): collection of sciences. Volgograd, 2002.

10. Petrukhin I. L. Conceptual basis of the reform of criminal justice in Russia // State and Law. 2002. № 5. Pp. 6—17.

11. Baranov V. M., Polyakov M. P., Sycheva O. N. Presumption of the veracity of the verdict: monogr. N. Novgorod, 2010.

12. Bezlepkin B. T. Commentary to the Code of Criminal Procedure (itemized). M., 2015.

13. Belkin A. R. CCP RF: Are changes needed?: monograph. M., 2013.

14. Ashurov V. K. Investigative and judicial practice and their role in ensuring the correct application of the norms of criminal procedural law: the author's abstract. ... candidate juridical sciences.

Волгоград. 2015.

15. Краткий очерк истории философии / под
ред. М. Т. Иовчука [и др.]. М., 1981.

© Печников Г. А., Назаров С. Д.,
Блинков А. П., 2017

Volgograd. 2015.

15. A brief sketch of the history of philosophy /
ed. M. T. Iovchuk and others. M., 1981.

© Pechnikov G. A., Nazarov S. D.,
Blinkov A. P., 2017